

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ СООБЩЕСТВА ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ

И. И. КОЛЕСНИК

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЕ СООБЩЕСТВО СЕТЕВОЙ АНАЛИЗ

Творческие идеи создаются как новые сочетания, или рефрейминги прежних идей

Рэндалл Коллинз.
Социология философий

Интеллектуальное сообщество: союз, институт, сетевое общество

В современной литературе довольно широко используется понятие «интеллектуальное сообщество», которое воспринимается не просто как «базовая реальность», но одновременно как продукт воображения, образ, конструируемый участниками культурной жизни и ее исследователями. Экспликация понятия «интеллектуальное сообщество» предполагает самые разные стратегии. Одна из них — идеально-типический метод М. Вебера, согласно которому объединение в сообщество возможно в виде таких идеальных типов, как «целевой союз» и «институт». «Целевой союз» — это объединение участников на принципах доверия, понимания / договоренностей. Впрочем, не каждое объединение является «целевым союзом», так как конститутивными для него, по Веберу, должны быть: 1) общие правила; 2) наличие «собственных органов союза»¹. Рядом с «целевым союзом», основанным на договоренностях о целях, способах и порядке, М. Вебер вводит еще одну идеально-типическую форму объединения — «институт». В отличие от «целевого союза», который возникает благодаря добровольному согласию/договоренности участников, «институт» как идеальный тип объединения основывается на 1) «рациональных установках»; 2) «аппарате принуждения». Кроме того, М. Вебер делает попытку типологизировать общественные объединения. Разновидностями «целевого союза» являются языковая или семейная общность (не

¹ Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С. 515, 519.

имеющие рациональных установок), «института» — государство и церковь. Институт, по М. Веберу, — это «частично рационально организованный союз». В отличие от «союза», где порядок основывается на согласии / договоренности, «институт» отличает принудительное введение порядка «органами института»².

Исходя из веберовской стратегии формирования понятий, «интеллектуальное сообщество» можно определить с помощью идеально-типической пары союз/институт. «Интеллектуальное сообщество» коррелируется с идеальным типом «целевой союз», который основывается на принципах согласия и договоренностей. В таком контексте «интеллектуальное сообщество» идентифицируется как аморфное, добровольное объединение в виде семейных культурных гнезд, кружков, салонов, клубов по интересам, неструктурированных общественных организаций, собраний, дружеских сообществ. Что касается интеллектуальных сообществ по типу «институт», то это более жестко структурированные объединения корпоративного, научного, политического характера (масонские ложи, тайные политические организации, политические кружки и партии, научные учреждения, кафедры, научные общества, академические школы).

Конкурирующей стратегией при экспликации понятия «интеллектуальное сообщество» являются теории «сетевого общества». Сетевой подход ориентирован на изучение механизмов функционирования интеллектуальных сообществ с учетом мозаики их форм, прозрачности идеологий, организационной неструктурированности, а также многочисленных метаморфоз и неожиданных перевоплощений.

Теория сетевого общества (theory of network society) Мануэля Кастельса, созданная в 1990-х гг., фиксирует новый тип общества, которое формируется потоками информации. Новое общество — это открытая и подвижная сеть взаимоотношений, ничем не ограниченных. Сетевое общество представляет собой бесшовную ткань взаимоотношений, которые как бы пульсируют, то расширяясь, то сужаясь за счет информации. Информационные потоки и технологии пронизывают все сферы общества от экономики до личной жизни и идентичностей. Современная экономика, которая питается информационными технологиями, превращается в компонент куль-

² Там же. С. 537-539.

туры. Политика использует информационные технологии для манипулирования сознанием и обществом. От потоков информации зависит и власть, которая играет культурными кодами. Сетевое общество трансформирует социальный и личный опыт, изменяет идентичности. Кризис теории нации / государства порождает новые коллективные идентичности в рамках информатизированной культуры. В современных условиях власть выходит из-под контроля таких традиционных институтов, как государство, церковь, бизнес и как бы растворяется в информационных сетях и коммуникационных потоках. «Новая власть», по мнению М. Кастельса, заключается «в кодах и образах репрезентации», вокруг которых общество создает свои институты, а люди устраивают личную жизнь и определяют собственную модель поведения³. Базовые понятия сетевой теории — «информация» и «культура». Основой интеграции в обществе нового типа являются не производство или классовая борьба, даже не моральный императив, а информация. Именно информационная культура интегрирует современное общество не как систему, а скорее как бесшовную, подвижную, гибкую структуру или сеть коммуникаций и потоков информации.

В сфере интеллектуальной истории сетевой подход был апробирован Рэндаллом Коллинзом, который в своем исследовании «Социология философий» конструирует историю философии как историю групп друзей, партнеров по обсуждению и тесных кружков единомышленников. Коллинз применяет метод моделирования интеллектуальных сетей. Внутренняя структура интеллектуальных сетей функционирует в виде трех компонентов: 1) **вертикальных цепочек**, или «**межпоколенных сетей**», связей по образцу «учитель — ученик» (например, Фалес — Анаксимандр — Анаксимен,

³ Castells M. The Information Age: Economy, Society and Culture. N. Y., 1997. P. 3. (Рус. пер.: Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М., 2000); *Idem*. The Rise of the Network Society. N. Y., 1996; *Idem*. The Power of Identity. Oxford, 1997; *Idem*. An introduction to the information age // City. 1997. № 7; *Idem*. End of Millennium. Oxford, 2000; *Idem*. Materials for an exploratory theory of the network society // The British Journal of Sociology. 2000. № 51; *Idem*. Toward a sociology of the network society // Contemporary Sociology. 2000. № 29; *Idem*. Informationalism, Networks and the Network Society: a Theoretical Blueprinting // The Network society: a Cross-Cultural Perspective. Northampton, 2004.

или Brentano — Гуссерль — Хайдеггер — Гадамер — Арндт); 2) «горизонтальных альянсов», т. е. взаимосвязанных групп интеллектуалов (классический пример — Пифагор / Сократ / Платон / Аристотель, или Венский кружок 1920/30-х гг. и кружок французских экзистенциалистов 1930/40-х гг.; в российском интеллектуальном пространстве аналог таких последовательных горизонтальных цепочек — славянофилы/западники, в украинском — кирилло-мефодиевцы / «Основа» / кружок киевских интеллектуалов-старо-громадовцев); 3) важной составляющей интеллектуального поля является **структурное соперничество**. Выдающиеся мыслители, считает Р. Коллинз, как правило, появляются парами / триадами. Линии соперничества (интеллектуального партнерства / конкуренции) современников прослеживаются во все времена на любом локальном материале. Паттерн творчества современников-оппонентов (соперничество, партнерство), по Коллинзу, является универсальным — от классических пар Гераклит / Парменид или Эпикур / Зенон Стоик до современности⁴.

Кстати, идея структурного соперничества интеллектуалов-современников Р. Коллинза полностью коррелируется с тезисом М. Вебера относительно борьбы, присущей всем, без исключения, социальным объединениям. Следовательно, борьба (соперничество, партнерство, конфликт) — атрибут любого социального объединения, в том числе и интеллектуального сообщества. От рыцарских турниров, судебного спора или товарищеского поединка и до спортивных соревнований — повсюду находим объединения в сообществах сторон, которые борются⁵. Совершенно очевидно, что такая перекличка идей М. Вебера и Р. Коллинза относительно соперничества / борьбы иллюстрирует вертикальную линию их собственных интеллектуальных связей и зависимостей.

Социологию философий Р. Коллинз репрезентует как новую дисциплину на стыке социологии и истории науки и называет ее «социологией интеллектуального развития». Предметом этой дисципли-

⁴ Collins R. *Sociology of Philosophies. A Global Theory of Intellectual Change*. Harvard Belknap Press, 1998. Рус. пер.: Коллинз Р. *Социология философий. Глобальная теория интеллектуального изменения*. Новосибирск, 2002. С. 47-52.

⁵ Вебер М. Указ. соч. С. 534-535.

плины являются не сами мыслители, их учения, идеи, а сети личных связей / знакомств между ними. Изобретением Коллинза стали так называемые «сетевые карты» — схемы личных знакомств мыслителей, ученых философов (всего 2670 чел.). Коллинз вводит понятие «интеллектуальные ритуалы», т. е. нормы и привычки взаимодействия интеллектуалов (создание групп, обсуждение проблем, взаимобмен «культурным капиталом» и «эмоциональной энергией»), а также понятие «соперничества за пространство внимания»⁶.

Свое исследовательское задание видим в адаптации понятия «интеллектуальное сообщество» применительно к культурно-интеллектуальной истории Украины. Актуализация этого понятия обусловлено спецификой культурно-духовной жизни Украины на протяжении «долгого XIX столетия». В ситуации безгосударственности, институциональной нелегитимности культурно-образовательных украинско-ориентированных практик, центрами духовно-интеллектуальной жизни в Украине являлись аристократические салоны, помещичьи усадьбы, резиденции вельмож-меценатов, литературно-философские кружки, тайные организации, масонские ложи, громады, землячества / гмины и пр. Носителями культурно-национальных ценностей и традиций, очагами интеллектуальной жизни, активной гражданской позиции выступали украинско-старшинские фамилии, харизматические культурные кланы, представители многих поколений которых давали ярких деятелей национальной культуры, науки, искусства, общественной мысли, как, например, род Марковичей-Маркевичей, Максимовичей-Тимковских, Ханенко-Герещенко, Репниных-Волконских-Разумовских, Белозерских-Кулишей, Драгомановых-Косачей, Антоновичей, Грушевских-Шамраев и др. Такое разнообразие интеллектуальных сообществ, семейно-свояцко-соседских, культурно-общественных, научно-корпоративных, образовательных объединений или групп создавало условия для использования этих локальных, открытых и динамичных объединений для легитимации собственно украинских форм мыслительных и образовательных практик в имперском культурном дискурсе.

⁶ См.: *Розов Н.* Интеллектуальная жизнь России в зеркале «социологии философий» Р. Коллинза. (Сумеем ли мы извлечь пользу из «неполиткорректного» взгляда на значимость отечественной мыслительной традиции) http://magazines.russ.ru/oz/2002/3/2002_03_17.html.

Важно учитывать и фактор чрезмерной политизации украинской духовно-интеллектуальной жизни, что было типичным для сильных политических режимов, какими являлись Российская и Австрийская империи. Если в условиях несвободы духовная энергия российских интеллектуалов была сконцентрирована на создании религиозно-философских и социально-политических утопий, то культурные усилия украинских интеллектуалов были направлены на утверждение права украинского народа на независимое существование, поиски национально-политической идентичности⁷. В условиях идеологизации и политизации духовно-интеллектуального бытия активного украинства происходил процесс сублимации украинской культуры в национальную идею. Из-за отсутствия государственного статуса, механизмов институционализации национальных форм образования, науки, литературы, искусства, интеллектуальных и общественных движений культура выступала репрезентантом национальной идеи. Возникающие сети интеллектуальных сообществ формировали душу и тело украинской культуры на протяжении «долгого XIX века».

Совершенно очевидно, концепт «интеллектуальное сообщество» находится на стыке культурной и интеллектуальной историографий, т. е. аккумулирует множество смыслов и кодов. Методология интеллектуальных сетей, апробированная Р. Коллинзом, дает определенный импульс и понятийно-технический ресурс для процедур концептуализации категории «интеллектуальное сообщество», которое широко используется в современных дискурсивных практиках, хотя до сих пор и не стало объектом теоретической рефлексии.

Концептуализация понятия «интеллектуальное сообщество»

На наш взгляд, «интеллектуальное сообщество» можно идентифицировать как динамичную и гибкую сетевую структуру коммуникационных и информационных практик. Экспликацию этого концепта целесообразно начать, исходя из ключевого слова «интеллектуал». В современной литературе наметился отход от упрощенного, порой примитивного, отождествления интеллектуала с представителями «свободных профессий» — журналистом, писателем,

⁷ См.: Лисяк-Рудницький І. Роля України в новітній історії // Лисяк-Рудницький І. Історичні есе: У 2 т. К., 1994. Т. 1. С. 150.

ученым или юристом, политиком и т. п. Интеллектуал, по существу, тот, кто живет насыщенной внутренней духовной жизнью, маркерами которой являются особый речевой код, поведенческая модель, внешний вид, стиль жизни, круг общения и чтения, самобытная политическая культура, независимая гражданская позиция. Настоящий интеллектуал имеет свою жизненную и профессиональную мотивацию, волю противостоять коллективным иллюзиям и предрассудкам, он сам выступает творцом социальной мифологии в виде политических идеологий, научных программ, культурных проектов, правовых и моральных норм.

«Интеллектуальный класс» (термин Ж.-Ф. Лиотара⁸) представлен разными типами интеллектуалов. Так, П. Бурдьё различает такие типы, как интеллектуал-специалист по конкретным вопросам; интеллектуал — мастер «на все руки»; интеллектуал-одиночка, мифическая фигура; наконец, интеллектуал-менеджер. Р. Коллинз идентифицирует еще один тип — «интеллектуальный герой», т. е. гений⁹. В украинском интеллектуальном пространстве роль «интеллектуального героя», национального гения принадлежит, безусловно, Т. Г. Шевченко, а образ интеллектуала-менеджера блестяще репрезентует М. С. Грушевский. Интеллектуал-одиночка ассоциируется с образом типичного интроверта, погруженного в свой внутренний мир, человека, ориентированного не на внешние проявления индивидуальности в поведении, поступках, а скорее сосредоточенного на внутренней работе мысли. Это известный в украинской культурной традиции тип «сковородинской личности».

Образ интеллектуала имеет и свои культурно-национальные характеристики. Например, французский интеллектуал позиционирует себя как оппонента власти и видит свое предназначение в символической борьбе за справедливость, демократию, либеральные ценности¹⁰.

⁸ Lyotard J.-F. *Mode intellectuelle // Tombeau de l'intellectuel et autres papiers*. Galilée, 1984 (укр. перевод с фр. О. Туркиной: www.rema.ru/komment/comm/11/2lyotard.htm).

⁹ Коллинз Р. Указ. соч. С. 47.

¹⁰ Каунти Н. Указ. соч. (кстати, Пьера Бурдьё считают последним из когорты «великих французских интеллектуалов»: А. Мальро, П. Валери, А. Камю, Ж.-П. Сартра, Р. Арона, Кл. Леви-Стросса, Р. Барта, М. Фуко — см.: Хапаева Д. После интеллектуалов // Республика словесности. Франция в мировой интеллектуальной культуре. М., 2005. С. 353).

Образ англо-американского интеллектуала в изображении Р. Гофшедтера и С. Коллини имеет «антиинтеллектуальный» характер. Англосаксонскому интеллектуалу, в отличие от французского, были присущи прежде всего здравый смысл, а не «политическая горячность», прагматический эмпиризм, а не абстрактный рационализм, ирония вместо патетики и высокомерия¹¹. По мнению У. Дюваля, в условиях исчезновения больших нарративов место «универсализующего интеллектуала» занял техник, специалист, университетский профессор¹².

Российского интеллектуала отличает полная сублимация его духовно-интеллектуального потенциала в создании религиозных, философских и социально-политических утопий, проявление невиданной силы духа, жертвенности, моральности и одновременно размах стихийно-деструктивных сил и движений (политический терроризм, тоталитаризм, репрессии как инструмент политики).

В украинском культурном сознании на протяжении длительного времени создавался и культивировался миф об украинском интеллектуале как носителе национальной идеи, историческая и моральная миссия которого заключалась в пробуждении самосознания украинского народа¹³. Модель политического поведения украинского интеллектуала была подчинена украинским интересам и предопределена национальной идеологией. Противостояние власти в жизненных сценариях украинских интеллектуалов преимущественно приобретало формы культурной, моральной, языковой оппозиции режиму, будь-то имперскому, советскому или постсоветскому. Типичными чертами украинского интеллектуала были чрезмерная идеологизация культурных практик, двойная самоцензура, эмоциональная экзальтация, при этом недостаток политической воли, чувства вождизма, собственной харизмы, постоянная апелляция к исторической памяти, ее трагическим аллюзиям.

¹¹ Hofstadter R. *Anti-Intellectualism in American Life*. N. Y., 1963; Collini S. *Intellectuals in Britain and France in the Twentieth-Century: Confusions, Contrasts — and Convergence // Intellectuals in Twentieth-Century France: Mandarins and Samurais / Ed. by J. Jenkins*. N. Y., 1993.

¹² Дюваль У. Утраченные иллюзии: интеллектуал во Франции // Республика словесности. С. 346.

¹³ Касьянов Г. Українська інтелігенція на рубежі XIX–XX століть: соціально-політичний портрет. К., 1993. С. 19, 17.

Структуру интеллектуального сообщества определяют различные формы коммуникации, интеллектуального взаимодействия, информационного взаимообмена идеями, символами, идеологиями, текстами, программами, мыслями. «Архетипы взаимодействия» (Э. Дюркгейм), т. е. общение, коммуникации объединяют людей в сообщества, союзы, институты. Формы коммуникации — самые разнообразные по происхождению, содержанию и результатам. Архетипы интеллектуального взаимодействия возникают в семейном кругу, окружении родственников, соседей, друзей, партнеров по обсуждению, объединенных общими интересами, предпочтениями и занятиями. Общение интеллектуалов, как правило, происходило в тесных кружках друзей, единомышленников, в аристократических салонах и гостиных, закрытых ложах, политических организациях, партиях, союзах. Интеллектуальные коммуникации — это не только создание и обмен текстами, мыслями, идеями, а также круг чтения, дискуссии, лекции, издательская деятельность, журналы. Эволюция форм интеллектуальной коммуникации на протяжении целых поколений и ситуация интеллектуальной конкуренции вели к неминуемому возрастанию уровня абстракции и повышению степени саморефлексии субъектов коммуникационного процесса.

Объединение интеллектуалов в сообщество, т. е. структурирование определенного интеллектуального пространства, обусловлено конкретными обстоятельствами и неперменной сменой микроситуаций, из которых и состоит жизнь человека. Во-первых, Р. Коллинз обращает внимание на такие обстоятельства/закономерности, когда известные в будущем личности, были знакомы, общались задолго до своего признания (например, протопоп Аввакум и будущий патриарх Никон происходили из одной местности и были знакомы задолго до их религиозно-политического противостояния). Во-вторых, успех одного из участников интеллектуального объединения/группы обязательно «тянул» за собой успех других корпорантов. В-третьих, аморфное интеллектуально-духовное пространство или сформированное интеллектуальное сообщество структурировались ситуацией интеллектуального партнерства/соперничества. Причем, данная ситуация сопровождалась открытой или скрытой борьбой за лидерство, приоритет, возможность оказаться в центре «пространства внимания». Собственно конфликт, личностный, моральный, идейный, культурный, и служит, по Коллинзу, источником творческого процесса.

Для характеристики творческого тонуса интеллектуала используется понятие «культурный капитал». П. Бурдье и Р. Коллинз, воспринимают культурный капитал (КК) как совокупность предшествовавших и приобретенных знаний. Уровень интеллектуала обуславливается как его доступом к наибольшему объему КК (основы производства новых идей), так и «обращением» КК с повышенной скоростью. Органичным является и тот факт, что все творческие личности обладают непреодолимым стремлением формулировать собственные суждения, подкрепленные ранним опытом, стремлением с детства получить независимость и доступ к «новым порциям опыта».

В сфере социологии философий Р. Коллинз широко использует понятие «эмоциональная энергия» (ЭЭ), под которой понимает творческий энтузиазм, присущий интеллектуалу или группе интеллектуалов. Эмоциональная энергия («эмоциональный капитал»), полагает Коллинз, имеет разные уровни интенсивности. Самый высокий — это энтузиазм; средний — состояние умеренной эмоциональности, интенсивности; а состояние пониженной эмоциональности приравнивается к полюсу депрессий, внутреннего дискомфорта, безынициативности. Существуют схемы распределения эмоциональной энергии в интеллектуальном сообществе. Депрессии, «блокирование письма», переключение внимания с интеллектуальных проектов на мир повседневности, бытовые проблемы — это наиболее типичный путь рядового интеллектуала, двигаясь по которому, он теряет какую-либо возможность оставить память о себе в интеллектуальном сообществе. К сожалению, большинство рядовых интеллектуалов навсегда, по мнению Р. Коллинза, остаются в таком «переходном состоянии».

Эмоциональная энергия, в отличие от простых эмоций и порывов чувств (страх, радость, гнев и др.), — явление более устойчивое. Источником эмоциональной энергии служат архетипы общения, коммуникации и «интерактивные ритуалы» (interactive rituals) — обсуждения, лекции, дискуссии, чтение, письмо. Более того, в духовно-интеллектуальной среде наблюдаются колебания эмоциональной энергии: доминирование, лидерство в группе увеличивает ЭЭ интеллектуала и, наоборот, низкий групповой статус существенно понижает интенсивность эмоциональной энергии. Дело в том, что успех, а любой интеллектуал это знает по собствен-

ному опыту, рождает новый успех, провал приводит к спаду, ряду интеллектуальных неудач, снижению ЭЭ.

Сочетание эмоциональной энергии (ЭЭ) и культурного капитала (КК) структурирует духовный мир интеллектуала, определяет его место в сетевой структуре (старые / новые связи) интеллектуального сообщества¹⁴.

Механизм создания интеллектуального сообщества связан с появлением лидера или организационного ядра, которое кристаллизуется из семейного или дружеского окружения, кружка друзей, партнеров по интересам, вокруг университетской кафедры или влиятельного журнала. Так, в середине 1830-х гг. участники «Русской троицы» (Маркиан Шашкевич, Яков Головацкий, Иван Вагилевич) представляли организационное ядро украинского интеллектуального сообщества во Львове, национально-романтически настроенных школяров / семинаристов. Студенческие гмины польского и украинского происхождения, конкурирующие между собой в киевской университетской среде в конце 1850 – начале 1860-х гг., через раскол, дискуссии, объединения создали первую украинскую Громаду, позднее целую сеть таких громад (очагов украинской мысли и движения).

Примечательно, что интеллектуальные сообщества возникали из социально-однородных элементов — просвещенного дворянства (аристократические салоны), офицерства и чиновничества (масонские ложи, декабристские организации), студентов и преподавателей (кружок харьковских романтиков, Киевская громада, «Русская троица»), деятелей церкви (кружки русинских интеллектуалов А. Духновича, И. Могильницкого, А. Добрянского в Галиции и на Закарпатье). Как правило, участники интеллектуальных сообществ осознавали свою групповую принадлежность и статусную идентичность.

Интеллектуальное сообщество могло возникнуть в определенном информационно-очерченном поле. Участники интеллектуального сообщества поглощали и продуцировали информацию в виде идей-эмблем, идей-проектов, идеологий, программ, текстов. Вместе с тем интеллектуальные сообщества не создавали ценностных и философских систем, научных схем и теорий, а приспособливали их к соответствующим ситуациям, артикулируя и распространяя те

¹⁴ Коллинз Р. Указ. соч. С. 86, 87, 83, 85, 78.

из них, которые были востребованы обществом через различные социокультурные практики. Условием вхождения в определенное интеллектуальное сообщество являлось владение соответствующим культурно-образовательным капиталом. Интеллектуальные сообщества генерировали определенные идеи-символы, которые, создавая интеллектуальное напряжение, объединяли людей, партнеров, современников-оппонентов. Такая группа интеллектуалов обладала харизмой (Р. Коллинз). Результаты творчества в виде разнообразной информации циркулировали в интеллектуальном сообществе, будучи источником творческой, эмоциональной энергии, доступной для всех участников этого сообщества.

Интеллектуальное сообщество — носитель ценностей, этических, социальных и мировоззренческих. Собственно моральные императивы, соединяя теорию с практикой, создают символическую власть в соответствующих контекстах и конкретно-исторических ситуациях. Символическая власть активного украинства представлена разветвленной сетью кружков, выступавших носителями национальной идеологии. В области исторической науки символической властью обладал М. Грушевский и его интеллектуальное окружение, предложенная им оригинальная схема украинской истории была развернута в целостную историческую идеологию.

Украинским интеллектуальным сообществам принадлежала исключительная роль в легитимации культурного дискурса — создании и распространении разнообразных культурно-образовательных практик (украинских журналов, научных обществ, университетских кафедр, научных школ), в поддержании культурных традиций, сохранении национальных ценностей. В ситуации институциональной нелегитимности культурно-образовательных и научных практик украинства именно интеллектуальные сообщества выступали способом структурирования общественно-политических и интеллектуальных движений на украинских территориях. Из кружков, салонов, неформальных групп, семейных «культурных гнезд», украинских интеллектуалов, возникали научные учреждения, общества, закладывались академические традиции, культурные и общественные движения (например, разветвленная сеть громад, позднее «Просвит»).

На основе различных кружков (харьковских романтиков, редакционных кружков «Основы» и «Киевской старины»), групп

друзей, партнеров (киевское окружение П. Кулиша и Н. Костомарова, Первая громада во главе с В. Антоновичем и Т. Рильским, кружок киевских интеллектуалов 1870-х гг.), имперских научных учреждений (Общество истории и древностей российских при Московском университете с его органом «ЧОИДР», Одесское общество истории и древностей, Киевская археографическая комиссия, Юго-Западный отдел Российского географического общества, археологические съезды, сеть губернских архивных комиссий), а также политических объединений (Кирилло-Мефодиевское общество) было создано организационное ядро украинской исторической науки. Как результат выстраивалась украинская «академическая линия»: Юго-Западный отдел Российского географического общества — НТШ — УНТ — ВУАН.

Благодаря сети и группам кружков украинских интеллектуалов происходило структурирование общественных движений в Украине, создавалась цепочка украинских политических альянсов: Новгород-Северский кружок патриотов-автономистов — тайное Малороссийское общество В. Лукашевича — Кирилло-Мефодиевское братство — редакционный кружок журнала «Основа» — Киевский кружок 1870-х гг., как идейно-организационное ядро украинского громадского движения — Братство тарасовцев — студенческие кружки конца 1890-х гг. — первые политические партии в Украине начала 1900-х гг.

Украинские культурные движения конституировались также посредством создания сетей литературно-художественных кружков, театральных трупп, аморфных объединений богемы, которые в лице интеллектуальных героев и мыслителей-одиночек прошли путь от украинского барокко до украинской сецессии и модерна братьев В. и Ф. Кричевских, авангарда К. Малевича и А. Архипенко.

Историографические наблюдения и методологические импликации

Проблема интеллектуальных сообществ на самом деле никогда не исчезала из поля зрения, начиная от ее «мемуарной фазы» и до нынешнего положения дел. Речь идет о стадиях активности или замалчивания данной проблемы.

Как правило, интеллектуальные сообщества рассматривались в дискурсе литературоведения. Так, в конце 1920 – начале 1930-х годов наблюдался настоящий «взрыв» интереса к разнообразным

интеллектуальным сообществам, в частности всевозможным литературным салонам и кружкам. В оригинальном издании «Литературные кружки и салоны», подготовленном участниками семинара по «литературному быту» в Российском институте истории искусств (Ленинград) под руководством Б. М. Эйхенбаума (1929) был апробирован новый подход к изучению литературных салонов и кружков посредством «монтажа» свидетельств участников и деятелей этих литературно-культурных объединений (мемуаров, записок, переписки, дневников, воспоминаний и пр.) В распоряжении составителей этого издания оказались материалы для описания почти 400 таких кружков и салонов, но в книге было представлено свидетельств не более чем о 30-ти таких объединениях. Отбор осуществлялся по принципу воздействия этих кружков на развитие литературного процесса, а также малоизвестности некоторых для исследователей¹⁵.

Кстати, авторы 1920–1930-х гг. (Б. Эйхенбаум, С. Рейсер, М. Аронсон, В. Гиппиус, Н. Бродский) широко использовали понятие «литературный быт», под которым Б. Эйхенбаум понимал «внешнюю жизнь литературы», или «литературное производство» — издание книг, журналов, поэзии, романов. Эту внешнюю сторону жизни литературы он называл «эстрадою», внутреннюю отождествлял с «литературным бытом». «Литературно-бытовое» значение имели многочисленные салоны и кружки. Эволюцию «литературного быта» Б. Эйхенбаум усматривал в переходе от «домашности» культуры к «салонности», которая к середине XIX века уступает место профессионализму, что приводит к упадку кружково-салонной жизни в северных столицах империи. Правда, возрождение, подъем салонной жизни исследователи 1920-х гг. связывали с возникновением многочисленных литературно-художественных объединений, групп, салонов на рубеже XIX–XX вв. — акмеистов, символистов, кубофутуристов, которые были просто «насыщены особой кружковой семантикой»¹⁶.

Авторы 1920-х гг. рассматривают салоны и кружки как уникальное культурное явление первой половины XIX века. Вырази-

¹⁵ Рейсер С. Монтаж и литература // Аронсон М., Рейсер С. Литературные кружки и салоны / Ред. и предисл. Б. М. Эйхенбаума. Л., 1929. С. 10–12.

¹⁶ Эйхенбаум Б. М. Предисловие // Там же. С. 3–6.

тельный образ столичных салонов с характерными социокультурными акцентами создает М. Аронсон. Для XIX века вообще характерна «литературность культуры», а российская культура начала XIX века была «литературной насквозь», что предопределяло активную роль салонов и кружков в культурной, общественной жизни и литературном процессе не только северных столиц, но и культурной периферии империи.

Историю салонно-кружковой жизни выводят из Франции XVI века. В России кружки и салоны возникают в XVIII столетии вследствие недостаточного развития «книжной индустрии». Именно в салонах и кружках осуществлялась связь между автором и читателями, а также между литераторами, тут заказывались рецензии, читались и обсуждались новые произведения, распространялись литературные новинки, (правда, в салоне Ф. Толстого-Американца заботились более об отдыхе и досуге литераторов). Считалось, что литературные кружки теснее связаны с «литературным производством», т. е. литераторами, авторами произведений, а салоны — с читателями, которые эти произведения обсуждали.

Устоявшимися формами культурно-интеллектуальной жизни в первой половине XIX века являлись *салоны — кружки — вечера*. Различие между салоном и кружком определялось социальным статусом хозяев, временем существования, большей привязанностью салонов к «литературному быту». Кружки более кратковременны, выполнив определенное литературное предназначение, они исчезали. Кружки возникали в «недрах» салона как его интеллектуальное ядро, небольшая, но идейно интегрированная группа. Так, А. С. Хомяков находился в центре салона А. П. Елагиной. По воспоминаниям М. П. Погодина, славянофилы «вообще собирались случайно», по чьему-либо приглашению и преимущественно «толковали вдвоём или втроём, не имели никогда специальных намерений... между ними господствовала совершенная свобода». Примечательно, что славянофильство возникает именно в салонах, а западничество — в кружках.

Кроме того, М. Аронсон различает кружки «диалогического типа», которые преобладали в 1820-х гг., где живо обсуждались произведения, устанавливались новые «литературные ценности» («Арзамас», кружок Любомудров), а также кружки 1830-х гг. «монологического типа», в которых доминировала сильная личность,

спланирующая вокруг себя сторонников и единомышленников (вечера у Н. В. Кукольника, позднее кружок В. Г. Белинского).

Происходил также процесс объединения салонов и кружков в группы, между которыми устанавливалась тесная связь, вследствие чего возникали целые «кружковые и салонные цепочки». Так, любознательные были связаны с кружком С. Е. Раича, салоном З. А. Волконской, «кружком архивных юношей». Целый ансамбль салонов возникает в рамках интеллектуального окружения А. П. Елагиной. «Субботы» С. Т. Аксакова были тесным образом связаны с литературно-театральными кружками Ф. Ф. Кокошкина, кн. А. А. Шаховского. Через посредство салонных групп и «кружковых цепочек» распространялись новые идеи, произведения, литературные новинки.

Вслед за салонами М. Аронсон прослеживает эволюцию и таких форм литературно-интеллектуальных объединений, как «вечера». Вечера тесно связаны с салонным общением, практикой «домашних» авторских чтений, которые постепенно трансформировались в университетские или публичные чтения (1859–1862 гг.), на которых внимание публики концентрировалось не столько на литературном произведении, сколько на его авторе. Публике было интересно увидеть и послушать писателя, поэта или университетского профессора. Известно, что в публичных чтениях в Петербурге принимал участие Т. Г. Шевченко (вместе с И. С. Тургеневым, Ф. М. Достоевским и др.) и при этом имел оглушительный успех.

Упадок кружково-салонной жизни был предreshен фактом развития «книжной индустрии», благодаря чему стали возможны литературные объединения, не связанные с местом и временем общения / встреч, а также возникла перспектива донести новые идеи и произведения читателям, которые не имели возможности посещать салоны. «Встречи» читателя с автором и литераторов между собой стали происходить не в салонах, гостиных или званых вечерах, а в редакциях журналов, издательствах, книжных лавках, даже кофейнях. Место кружка или салона как площадки общения и творчества занимает журнал. Еще одна причина упадка кружков и салонов связана с появлением «литературного профессионализма», признаками которого служили оплата литературного творчества и разделение труда/обязанностей в журнале.

В литературе имеются довольно сбивчивые представления о разновидностях кружков и салонов. Впрочем, салонная жизнь про-

текала в самых разнообразных формах. Салоны существовали в виде журфиксов и вечеров. Журфикс (фр. *jour fixe* — назначенный день) — специальный день недели для приема гостей (например, «среды» Н. В. Кукольника, «четверги» Н. И. Греча, «пятницы» В. А. Жуковского, «субботы» С. Т. Аксакова и т. д.). С журфиксами в виде «обедов» конкурировали «вечера» — определенные дни встреч узкого круга приглашенных. Формы раутов, вечеров, журфиксов были изменчивы, непостоянны, иногда причудливы. Например, салон А. Н. Оленина, директора Публичной библиотеки и президента Академии художеств, члена Российской академии наук, не имел строгой формы: «точно определенных *jour fixe*'ов у Олениных, по-видимому, не было. Собирались почти ежедневно к обеду и засиживались порою до поздней ночи в дружеской беседе, шутках и критике произведений близких друзей дома — художников, музыкантов, писателей и т. д.»¹⁷.

Салон гр. М. Ю. Виельгорского представлял собой «меценатский тип» салона. Хозяин салона царский сановник, приближенный ко двору, музыкант-любитель и меценат, протезировал молодым музыкантам и литераторам, его салон был «на три четверти музыкально-артистическим». Более литературным считался салон зятя М. Ю. Виельгорского графа В. А. Соллогуба, частыми гостями которого были Ф. М. Достоевский, Ф. Тютчев и др. (всего 20-25 чел.). Салон В. А. Соллогуба служил образцом «высокопоставленного» и одновременно «демократического» салона.

К определенной «демократичности» стремился и князь В. Ф. Одоевский, в салоне которого гости «собирались не ежедневно, не случайно, а в определенные дни, так называемые *jour fixes*». Речь идет об известных в Петербурге «субботах» В. Ф. Одоевского. Предметом обсуждения гостей салона были литературные, музыкальные, культурные и общественные темы, анекдоты, обмен новостями, не обходилось без шуток и «дурачеств». Вместе с тем, салон и состав его участников имели амбивалентный характер. Тут можно было встретить аристократа и разночинца, отсюда некоторый присущий салону «антагонизм» между «гостиной и кабинетом». В. Ф. Одоевский стремился объединить в своем салоне писателей-аристократов и литераторов-разночинцев. Литературно-музы-

¹⁷ Аронсон М., Рейсер С. Указ. соч. С. 274.

кальный салон В. Ф. Одоевского оставался «долгожителем» салонной жизни, просуществовав с небольшими перерывами почти 40 лет (с 1826 до 1869 г.)¹⁸.

Салонно-кружковая жизнь до сих пор остается практически «невспаханым» полем микроисторического анализа культурно-интеллектуальной истории, изучения «литературного быта», стиля жизни интеллектуалов, их окружения, борьбы литературных партий, а также интеллектуальных движений XIX столетия.

Малоисследованной остается проблема периодизации салонно-кружковой жизни как культурного явления эпохи. Опираясь на материалы литературной историографии, попробуем изложить свое видение данной проблемы. Первые кружки и салоны возникают в 1810–1820-х гг.; в 1820–1830-х гг. салонно-кружковый быт достигает пика популярности; в 1840-х гг. создаются редакционные кружки («Современник», «Отечественные записки»), в пространстве внимания которых оказываются проблемы организации литературно-журнальной индустрии и общественно-политические вопросы. В 1850–1860-х гг. салоны и кружки исчезают как культурно-литературное явление, отдельные кружки становятся организационным ядром интеллектуальных и общественных движений.

Понятно, что в фокусе нашего внимания находятся украинские мотивы салонно-кружковой жизни северных столиц первой половины XIX века. Салоны и кружки дают представление о литературно-интеллектуальном быте и стиле жизни украинских интеллектуалов, живших в культурном пространстве российских столиц и сохранявших украинский колорит в быту и творчестве. Речь идет о хозяевах салонов/кружков и их гостях. Украинский колорит столичной салонной жизни характеризуют, к примеру, «обеда» С. Т. Аксакова, о которых известно из дневника О. М. Бодянского. «Обеды» Аксаковых зачастую превращались в званые обеды на «вареники», где встречались известные земляки-«малороссияне» Н. В. Гоголь, М. А. Максимович, О. М. Бодянский, общение с которыми сопровождалось литературно-научными беседами, домашним музицированием на фортепиано и «малороссийскими» песнями. Под «варениками», писал Бодянский, «разумеется обед у Сергея Тимофеевича Аксакова, по воскресеньям, где непременно

¹⁸ Там же. С. 286-287, 281-283.

блюдом были всегда вареники для трёх хохлов: Гоголя, М. А. Максимовича и меня, а после обеда, спустя час-другой песни малороссийские под фортепиано, распеваемые второй дочерью хозяина, Надеждою Сергеевною, голос которой очень мелодический. Обыкновенно при этом Максимович подпевал. Песни пелись по “голосам малороссийских песен”, изданных Максимовичем, и кое-каким другим сборникам (Вацлава из Олеска), где голоса на фортепиано положены известным музыкантом Липинским¹⁹.

Веселой, даже эпатажной, была атмосфера «вечеров» Нестора Кукольника, товарища Н. Гоголя по Нежинской гимназии, от которых, как считают исследователи, пошла литературно-художественная богема. На «средах» Н. Кукольника собирались до 80 человек присутствующих, главным образом, земляков-«малороссов», литераторов, офицеров, чиновников средней руки, художников, музыкантов, актеров. На этих вечерах царил культ «высокого искусства», который вполне мирно уживался «с пьяным разгулом» (И. И. Панаев). Тут звучали импровизации и романсы М. И. Глинки, забавлялись карикатурами Степанова и самого Карла Брюллова. Кстати, «триумвират» Кукольник — Глинка — Брюллов являлся ядром и «мотором» эпатажных «сред» Н. Кукольника. Об атмосфере «быта» этих вечеров свидетельствует «культура прозвищ» и «своих словечек». Сам кружок именовался «биржею» или «комитетом», Н. В. Кукольник в узком кругу имел прозвище «Клюкольник» и «Епископ» (Гоголь называл его «Возвышенный», из-за выпренности стиля), Я. Ф. Яненко — «Пьяненко», К. П. Брюллов — «Карл Великий».

На «средах» Н. В. Кукольника из литераторов присутствовали Н. И. Греч, Ф. В. Булгарин, О. И. Сенковский, Н. А. Полевой, члены кружка В. Г. Белинского, противостоявшие партии «литераторов-аристократов». Сам Н. Кукольник в дневнике признавался, что сознательно избегал общества Пушкина и «вообще аристократии». На вечерах Кукольника творческая деятельность уживалась с «угарною обстановкою богемы “Несторовой биржи”, не знающей салонных приличий и тесными узами связанной с операми Глинки, картинами Брюллова и драмами Кукольника». В кружке Н. В. Кукольника происходил синтез искусств на принципах ро-

¹⁹ См.: *Гиппиус В. В.* Гоголь. Воспоминания. Письма. Дневники. М., 1931 / Репринт: М., 1999. С. 395.

мантизма — музыку для оперы «Жизнь за царя» («Иван Сусанин») писал М. И. Глинка, декорации — К. П. Брюллов, а в либретто присутствовали стихи Н. В. Кукольника.

Демократический характер имели вечера другого «петербургского малоросса» Евгения Гребенки — преподавателя кадетского корпуса и популярного литератора. Вечера Е. П. Гребенки начались в середине 1830-х гг. и оборвались с его смертью в 1848 г. Вокруг Гребенки сформировался кружок земляков-«малороссов», среди которых были офицеры, чиновники, художники, литераторы: Н. Я. Прокопович, Н. В. Кукольник, Т. Г. Шевченко, бывали также В. И. Даль, П. П. Ершов, М. А. Языков и др. Круг Гребенки образовал ядро демократично-разночинского украинского землячества — в отличие от предшествующих землячеств «петербургских малороссов», группировавшихся вокруг таких высокопоставленных и известных фигур, как кн. А. А. Безбородко, министр почт и юстиции Д. П. Трошинский. Вечера Е. П. Гребенки славились в петербургских кругах «малороссийским гостеприимством и хлебосольством». Как вспоминает современник, на этих вечерах подавалось «чисто малороссийское угощение: сало, початки, малороссийские наливки, варенье, запеканка, варенец». В противовес богемным «сборищам» Н. В. Кукольника вечера Е. П. Гребенки проходили спокойно, здесь читали, спорили «без малейшего озлобления», просто болтали о бытовых и литературных новостях и приключениях²⁰.

В литературе встречаются любопытные упоминания о салонах вельмож и царских сановников украинского происхождения, которые сыграли не последнюю роль в салонно-литературной жизни российской столицы. Речь идет о салонах Трошинского — Хилковой и Полторацких. Салон дочери Трошинского княгини Л. Д. Хилковой представлял собой не *jour fixe*, а ежедневные собрания/встречи, как было принято у знати, на которых все, что выходило из-под пера В. А. Жуковского, К. Н. Батюшкова, кн. А. А. Шаховского, немедленно прочитывалось и «становилось предметом самых живых толков». Постоянными гостями салона кн. Хилковой в Петербурге были земляки Трошинского — Василий Капнист, Николай Гнедич, Аркадий Родзянко. Они появлялись в гостиной кн. Хилковой с только что изданными книжками и ничего не печатали без предварительного

²⁰ См.: Аронсон М., Рейсер С. Указ. соч. С. 292-295, 233, 296-297.

обсуждения здесь, в салоне. Литературно-музыкальным был салон Полторацких, в котором бывали Г. Р. Державин, Н. М. Карамзин, А. Н. Оленин, И. А. Крылов, Н. И. Гнедич и В. В. Капнист, а также художники, музыканты и ученые²¹.

Блестящую реконструкцию образа великосветского салона первой половины XIX века осуществила современная французская исследовательница Анна Мартен-Фюжье. Париж, как известно, считался «законодателем мод» в салонной жизни Европы первой половины XIX века. Такие паттерны французской культуры, как язык (французский — «язык салонов»), мода, этикет, интерьер, декор, манеры, поведенческая модель в высшем свете, были доминирующими в Европе того времени. Салонная жизнь, по мнению А. Мартен-Фюжье, в первой половине XIX столетия не являлась исключительной прерогативой высших классов. Наоборот, светская жизнь аристократов служила образцом для так называемого среднего класса. В те времена считалось, что семья, достигшая уровня мелкого буржуа, имела два способа засвидетельствовать этот факт — завести прислугу и назначить приемный день.

Вечера буржуа напоминали вечера в высшем свете. Разумеется, Париж (как, впрочем, и Петербург, и Москва) имел свою «светскую биографию», а хозяин салона использовал целый набор «светских стратегий», например, такую, как организация «маленьких вечеров» для узкого круга избранных, которые устраивались не столько для самих счастливиц, сколько для тех, кто не был включен в состав приглашенных. Списки приглашенных служили «полезным орудием» в достижении успеха «в свете». Салоны Парижа имели свой особый состав: денди, литераторы, модницы, «синие чулки» и всяческие знаменитости. Светская жизнь имела свой ритм и была традиционно регламентирована. Очередной сезон салонной жизни начинался в декабре, продолжался до Пасхи и делился как бы на две части — до и после Великого поста. До поста светское общество было занято всевозможными раутами, балами, маскарадами, танцами, костюмированными и благотворительными балами во время Масленицы, в период поста танцевали меньше, преимущественно слушали музыку. В мае светское общество покидало столицу, разъ-

²¹ См.: Литературные салоны и кружки. Первая половина XIX века / Ред., вступ. ст. Н. Л. Бродского. М.–Л., 1930. Прим. 1. С. 41.

езжаясь на лето в свои сельские усадьбы и загородные дома. Примечательно, что англичане наоборот зиму проводили в своих загородных резиденциях, где развлекались охотой с собаками, а с приближением тепла возвращались в Лондон. Каникулы у студентов и учащихся продолжались с середины августа до начала октября. Модный молодой человек, денди, не мог показаться в Париже в сентябре, так как весь октябрь был посвящен охоте. Светское общество возвращалось в столицу в ноябре. Разумеется, жизнь салонов на разных социальных уровнях имела свои особенности²².

Салоны, кружки, литературные объединения как «социокультурное явление» рассматриваются и сквозь призму «прикладной социологии литературы». В рамках проекта Института славистики Бохумского университета (Германия) (Seminar für Slavistik / Lotman-Institut für Russische und Sowjetische Kultur der Ruhr-Universität Bochum) было осуществлено издание, посвященное литературным объединениям Москвы и Петербурга 1890–1917 гг.²³ Манфред Шруба предлагает свою типологию литературных объединений как интеллектуальных сообществ: *общества* (товарищества, союзы, постоянно действующие объединения со своим уставом и структурой); *кружки* — группы литераторов, регулярно собирающихся для совместных занятий и объединенных общими тематическими, эстетическими и мировоззренческими установками; *салоны* — (журфиксы, вечера и т. д) регулярные встречи, проходящие в дни приемов для ограниченного литературно-художественного круга; *псевдогруппировки* — фиктивные группы, состоящие из одного человека и бытующие в виде одного названия (импрессионисты, кларисты); *фантастические общества* (например, хлебниковское общество председателей земного шара); *творческие группировки* от

²² См.: *Мартен-Фюжье А.* Светская жизнь и салоны (из книги «Элегантная жизнь, или Как возник «весь Париж». 1815–1848») // Новое литературное обозрение. 1995. № 13 (<http://vivovoco.rsl.ru/vv/papers/history/salon.htm>); полный вариант: *Мартен-Фюжье А.* Элегантная жизнь, или Как возник «весь Париж». 1815–1848 / Пер. О. Э. Гринберг и В. А. Мильчиной. М., 1998).

²³ См.: *Шруба М.* Литературные объединения Москвы и Петербурга 1890–1917 годов: Словарь. М., 2004. См. также: *Leighton L. G.* Circles, Literary: 1800–1860 // *The Modern Encyclopedia of Russian and Soviet Literatures (Including Non-Russian and Émigré Literatures)* / Ed. by H. B. Weber. Gulf Breeze, 1981. Vol. 4. P. 181-187; *Parrot Jr. R. G.* Circles, Literary: 1860–1890 // *Ibid.* P. 187-195.

названия направления (акмеисты, кубофутуристы, символисты) а также провинциальные объединения; любительские литературные общества; литературные кружки землячеств и национальных меньшинств; столичные «окололитературные» общества, не связанные напрямую с литературной средой (например, Санкт-Петербургский драматический кружок)²⁴.

Проблема интеллектуальных сообществ оказалась в поле теоретической рефлексии и современных российских авторов. Предприняты попытки определить понятие «интеллектуальное сообщество» в качестве «совокупности людей, которые используют интеллект как ресурс для создания новых смыслов», члены которого продуктивны и открыты к взаимодействию с внешним миром²⁵. Предметные рамки концепта «интеллектуальное сообщество» Л. П. Репина коррелирует со сферой «историко-социологического анализа» и т. н. «социальной истории интеллектуалов», что полностью вписывается в «социальную историю элит»²⁶.

Традиционно в центре внимания находились такие устоявшиеся формы интеллектуальных сообществ, как университет, корпоративные общества, профессиональные группы, социогуманитарные корпорации, научные школы и династии²⁷. Заслуживает внимания и сюжет о литературных салонах как специфической форме интеллектуального сообщества. Кто-то воспринимает салон как отжившую форму (И. С. Семенко), для иных салон — это «культурное явление» (Т. А. Сабурова)²⁸ и одновременно одна из старейших институций России (Р. Пайпс), потому что любая тео-

²⁴ Шруба М. Указ. соч. С. 5-8.

²⁵ Семенко И. С. Интеллектуальные сообщества: диалектика консолидации // Политические и интеллектуальные сообщества в сравнительной перспективе / Отв. ред. Л. П. Репина, Л. А. Фадеева. М., 2007. С. 16.

²⁶ Репина Л. П. Интеллектуальные сообщества как объект и предмет сравнительно-исторического исследования: проблемы методологии // Там же. С. 89.

²⁷ Семенко И. С. Указ. соч. С. 16-18; Мягков Г. П. Научная школа на перекрестке «структуры» и «воли» // Там же. С. 96-99; Корзун В. П. Отец и сын в мире науки: А. С. и И. А. Лаппо-Данилевские // Там же. С. 214-217; Шмелёва М. М. Проблемы изучения научных династий // Там же. С. 208-210; Корневский А. В. Династия Тойнби в пространстве интеллектуальной истории // Там же. С. 217-221.

²⁸ Сабурова Т. А. Пространство «мысли и чувства» русской интеллигенции первой половины XIX в. // Там же. С. 159-163.

рия, чтобы стать фактом культуры, должна была переведена «на язык дам и салонов» (Ю. М. Лотман).

Продуктивными для репрезентации интеллектуальных сообществ являются теории коммуникации и сетевого анализа. Так, журналы, переписка, литература — это формы письменной коммуникации, устная коммуникация локализовывалась в салонах, философских, политических кружках и обществах (Т. А. Сабурова). По мнению Г. П. Мягкова, именно сети становятся «новой морфологией сообществ и обществ». В наше время возникают такие разновидности интеллектуальных сообществ, как «сетевые научные школы» вокруг электронных изданий, «виртуальные мастерские» и интеллектуальные клубы, как «площадка для организации дискуссий» (И. С. Семенко). В нынешней ситуации целесообразным представляется использование социологии социальных сетей Р. Коллинза при изучении формальных и неформальных интеллектуальных сообществ (Л. П. Репина); восприятие «семьи интеллектуалов как центра сетевого общения», смещение акцентов с факта трансляции научных идей на феномен «продленной гениальности», как в случае отца и сына Лаппо-Данилевских (В. П. Корзун).

В новейшей украинской литературе также рассматриваются различные типы интеллектуальных сообществ. Формальные интеллектуальные сообщества представлены такими традиционными формами, как научные общества (УНТ, Киевская археографическая комиссия²⁹, университеты³⁰, редакционные кружки журналов «Основа» и «Киевская старина»³¹), неформальные сообщества, семейные «культурные гнезда» левобережной старшинской аристократии, в частности Марковичей / Маркевичей, Белозерских /

²⁹ Онопрієнко В., Реснит О., Щербань Т. Українське наукове товариство: 1907–1921 роки. — К., 1998; Журба О. І Київська археографічна комісія. 1893–1921: Нарис з історії і діяльності. К., 1993.

³⁰ Посохов С. Образи університетів Російської імперії другої половини ХІХ–ХХ ст. в публіцистиці та історіографії. Х., 2006; Попова Т. Н. Историография в лицах, проблемах, дисциплинах. Из истории Новороссийского университета. Одесса, 2007.

³¹ Айтюв С. Ш. Українська історіографія та журнал «Основа» в контексті культурно-національного відродження України: Автореф. дис. ... канд. іст. наук. Дніпропетровськ, 2001; Палієнко М. Г. «Киевская старина» у громадському та науковому житті України (кінець ХІХ – початок ХХ ст.). К., 2005.

Кулишей³². Проблема академических школ в украинском контексте рассматривается или в теоретико-методологическом аспекте, или в практическом ракурсе, как функционирование научно-исследовательских кафедр М. С. Грушевского и Д. И. Багалая³³.

С точки зрения теоретических разработок, категория «научное сообщество», к примеру, деконструируется в традициях мертоновской «нормальной» социологии науки, как своеобразная «профессиональная корпорация» со своими законами, нормами и правилами поведения, содействующими корпоративной социализации и формированию ценностных ориентиров ученых³⁴. Прорыв, как известно, возможен при условии интеграции новейших технологий и лучших традиций отечественного историописания.

Интеллектуальные сообщества в Украине:

попытка типологизации

Культурный мир украинства эпохи Модерна под углом зрения сетевого анализа воспринимается как гибкая и динамичная структура кружков, групп, сетей интеллектуальных связей, пронизанных скрытым или явным соперничеством современников-оппонентов.

Интеллектуальные сообщества, представляющие собой душу и тело украинской культуры, возникали и конкурировали между собой, исчезали и возрождались в новых формах. У истоков интеллектуального сообщества, как правило, находились или харизматический лидер, или организационное ядро (журнал, издание, кафедра, научная школа и пр.). Например, Новгород-Северский патриотический кружок возникает в 1780–1790-х гг. в кругах высшей бюрократии, среднего чиновничества, просвещенной шляхетской интеллигенции и окультуренного местного дворянства. В среде украинского дворянства и интеллигенции возникает кружок

³² Голубчик Г. Д. Рід Марковичів-Маркевичів у культурно-громадському житті України: «нова сімейна історія»: Автореф. дис. ...канд. іст. наук. Дніпропетровськ, 2003; Барабаш Н. О. Рід Білозерських і культурний світ України XIX – початку XX століть. К., 2007.

³³ Юркова О. Діяльність Науково-дослідної кафедри історії України М. С. Грушевського (1924–1930). К., 1999; Богдашина О. М. Діяльність Харківської науково-дослідної кафедри історії української культури імені академіка Д. І. Багалія (1921–1934). Х., 1994.

³⁴ Онопрієнко В. І. Наукове співтовариство: Вступ до соціології науки. К., 1998. С. 24.

просветителей-интеллектуалов — «Поповская академия», идейным лидером которой был архитектор-любитель, литератор и просветитель А. А. Палицын (далекий потомок келаря Троице-Сергиевой лавры Авраамия Палицына). Организационным ядром научно-образовательных объединений украинских интеллектуалов середины — второй половины XIX века являлись редакционные кружки, которые концентрировались вокруг крупных культурно-интеллектуальных проектов украинства — журналов «Основа» и «Киевская старина». Кирилло-Мефодиевское братство выросло из тесного кружка друзей и единомышленников, преподавателей и студентов Киевского университета, лидерами которого были Н. И. Костомаров и П. А. Кулиш.

Механизм формирования интеллектуального сообщества был следующим: организационное ядро постепенно переплавлялось в дружеский кружок или группу партнеров по интересам, или морально близких людей. Формы кружков, групп интеллектуалов были самыми разнообразными: *по социальному статусу* (аристократические салоны, буржуазные гостиные, студенческо-разночинские, демократические кружки; *по характеру интересов, интеллектуальных занятий* (литературно-философские, литературные вечера, собрания литераторов, столичной и местной литературно-художественной богемы; *по принципу организации* (группы друзей, круг соучеников, «однокорытников», как называли себя товарищи Н. В. Гоголя по Нежинской гимназии, коллеги; *по степени открытости* — тайные объединения (масонские ложи, декабристские организации, Малороссийское общество), полутайные (Кирилло-Мефодиевское братство, Братство тарасовцев, народнические организации, студенческие политические кружки конца XIX века), легальные культурно-общественные объединения (громады, «Просвита»), научные общества (Киевская археографическая комиссия, Одесское общество истории и древностей, Юго-Западный отдел Российского географического общества, историческое общество Нестора-летописца при Киевском университете, НТШ, УНТ); *по способу репрезентации* (культурные «харизматические кланы», старшинско-дворянские «культурные гнезда», великосветские салоны в губернаторских резиденциях, дворцы меценатствующих магнатов с домашними театрами, артистами, концертами, картинными галереями, библиотеками, коллекциями древностей).

Разнообразие форм интеллектуальных сообществ просвещенного и патриотически ориентированного украинства создавало разветвленную сеть семейно-своячко-соседских, имущественных, служебно-корпоративных, литературных, научных, культурных взаимоотношений, которые и структурировали пространство украинской культуры, кросс-культурные украинско-российские, украинско-польские, украинско-чешские и др. связи. Так, В. В. Капнист был тесно связан с кружком Г. Р. Державина, которому, между прочим, приходился свояком. А. И. Мусин-Пушкин, известный антикварий и писатель, через О. Лобысевича был знаком с деятельностью Новгород-Северского патриотического кружка. М. А. Максимович являлся частым гостем салона А. П. Елагиной. Н. В. Гоголь также был желанным гостем Аксаковых, Елагиной, подолгу жил у М. П. Погодина. М. И. Глинка был вхож в аристократические салоны гр. М. Ю. Виельгоского, В. А. Соллогуба, кн. В. Ф. Одоевского, А. Н. Оленина, а также бывал на литературных вечерах В. А. Жуковского, А. А. Дельвига, тесно общался с «братией» Н. В. и П. В. Кукольников. Т. Г. Шевченко почти ежедневно бывал в салонах гр. Ф. П. Толстого, на журфиксах «Основы», а также на званых обедах у К. Д. Кавелина.

На наш взгляд, украинские интеллектуальные сообщества уместно типологизировать по формуле М. Вебера: союз/институт.

К первой большой группе интеллектуальных сообществ можно отнести те, которые, как союз, основываются на согласии, взаимопонимании, т. е. рациональных основаниях (таких как культурные ценности, идеи/символы, моральные императивы, харизматическая личность/организационный лидер). Речь идет о таких разновидностях интеллектуальных сообществ, как:

1. *Землячества* украинцев в имперских столицах, студенческие *гмины* в университетских городах. Украинцы, жившие в северных столицах, служившие, как правило, в коллегии / министерстве иностранных дел, сенате, синоде, адмиралтействе и др. учреждениях, были теснейшим образом взаимосвязаны привычными практиками протектирования, патронирования и семейственности, оплетены сетью семейно-своячко-соседских, товарищеских, имущественных, служебных и культурных связей. Землячества и гмины представляли собой аморфные интеллектуальные сообщества, неопределенной конфигурации, возникающие на основе нефор-

мальных взаимоотношений. Землячество «петербургских малороссов» сформировалось вокруг таких харизматических личностей, как канцлер А. А. Безбородко и «козак-вельможа» Д. П. Трощинский. Позднее в Петербурге украинские интеллектуалы объединялись вокруг братьев Кукольников, Е. П. Гребенки, Н. В. Гоголя, Н. И. Костомарова, П. А. Кулиша, В. М. Белозерского и др. В Москве центрами «украинского притяжения» считались фигуры М. А. Максимовича, О. М. Бодянского. В конце 1850-х — в начале 1860-х гг. украинское землячество, группировавшееся вокруг организационного ядра и лидеров, превратилось в редакционный кружок, как в случае с «Основой». В то же самое время студенческие гмины в Киевском университете св. Владимира создали почву для возникновения новых форм интеллектуального сообщества, к примеру, Киевской громады. Культурный быт киевских старогородцев первой половины 1870-х гг. также характеризуется еженедельными встречами — «субботами» у Н. Лысенко или П. Житецкого.

2. *Семейные культурные очаги, «старшинско-дворянские гнезда»* или культурные харизматические кланы. Семейные украинские анклавные воспринимаются как специфическая форма организации интеллектуального труда в условиях отсутствия государственности, институциональной нелегитимности культурной жизни в Украине. Метод сетевого анализа предполагает определение места родственников в сети связей личности: сколько их, какие пропорции, создают ли родственники внутри этих связей отдельные группы межличностных связей, каким образом происходит распределение ролей родственников, соседей, знакомых в сетях общественных коммуникаций, «могут ли семейные и товарищеские отношения стать источником существования в экономическом смысле» и т. д.³⁵

3. Разновидностью интеллектуального сообщества по типу «союз» являются *кружки*. Культурное пространство «украинского XIX века» дает богатейший спектр таких объединений. Проблема кружков как культурного явления не нова в историографии. В нынешней интеллектуальной ситуации эта проблема может переживать настоящий ренессанс, опираясь на новейшие технологии сетевого

³⁵ Уэллман Б. Место родственников в системе личных связей // Социс. 2000. № 6. С. 78.

анализа, что дает возможность реконструировать межпоколенные цепи и сети культурных миров, осмыслить механизмы взаимодействия личности с ее эгоцентричным миром. Что представляет собой «кружок»? С нашей точки зрения, это — локальные группы, имеющие свою статусную идентичность, которая обуславливается присутствием лидера / идеи, наличием культурного капитала участников группы, а также проявлением эмоциональной солидарности (ощущения единства). Формы репрезентации кружков определяются целями, культурно-стилевыми предпочтениями, поведенческими моделями их участников. Отсюда понятно разнообразие типов кружков: просто круг друзей, группа партнеров по обсуждению, соучеников, клубы по интересам, культурно-просветительские, литературные, научные, литературно-художественные кружки, аристократические салоны с домашними театрами, журфиксы, литературно-музыкальные вечера с любительским музицированием, анекдотами, шутками, светскими новостями, «домашним» чтением, которые оказывали заметное влияние на общественную мысль и социальное поведение.

К другой большой группе интеллектуальных сообществ можно отнести объединения по типу «институт», в которых моральные установки как интегральный фактор дополнялись в обязательном порядке элементами принуждения (социального, морального, институционального или политической целесообразностью).

4. *Общественно-политические объединения и группировки*, которые являлись инструментом воздействия и организационного принуждения: масонские ложи («Понт Эвксинский», «Три царства» в Одессе, ложи «Объединенных славян» в Киеве и «Любовь к истине» в Полтаве), декабристские организации («Союз спасения», «Союз благоденствия», Северное и Южное общества, «Товарищество объединенных славян»), тайное Малороссийское общество Василия Лукашевича, Кирилло-Мефодиевское братство, как первая политическая организация в Украине со своим уставом и программой. Все эти объединения возникли в эпоху Романтизма, а поведенческая модель интеллектуала-романтика предполагала флер загадочности, таинственности как способ самоутверждения, придания себе значимости в собственных глазах и своего окружения. Для первых таких организаций в Украине (масонских лож, декабристских групп, Малороссийского общества) типичными были тайные обряды, посвящение, клятвы, присяги, тайные собрания,

специфическая семантика, внешняя атрибутика (перстни с буквами «М» и «К», символическими надписями, кресты, треугольники), эмоциональное напряжение, экзальтация, даже фанатизм. Такому типу интеллектуальных сообществ была присуща театрализация действия, поступков, закрытость относительно внешнего мира, стремление к внутреннему групповому общению, активный поиск друзей и единомышленников. Члены тайных организаций стремились использовать в своих целях аристократические салоны и литературные кружки. Преобразование форм политических организаций связано с возникновением демократических студенческих кружков в университетах, семинариях, гимназиях, структурированием общественных движений (например, хлопоманы, громадское движение), возникновением политических партий национальной ориентации на украинском Востоке и Западе. Это означало смену масок и моделей поведения украинских интеллектуалов.

5. *Культурно-общественное движение*, которое структурировалось разветвленной сетью украинских громад, народнических групп, кружками украинских интеллектуалов в эмиграции (Женевский кружок М. П. Драгоманова). В культурных практиках хлопоманов и украинских громадцев, русинских народовцев возникают новые роли/маски интеллектуальных героев в образе студента, учителя воскресной школы, университетского профессора, литератора-издателя, вольного художника или нелегала-профессионала. Словом, местом действия становятся не помещичьи усадьбы, дворянско-старшинские гнезда, а скромные гостиные разночинцев, демократические редакции журналов, университетские кафедры, научные учреждения и общества, публичные чтения, литературно-художественные вечера украинской интеллигенции.

6. *Научно-корпоративные объединения* в украинском культурном пространстве существовали в виде университетских кафедр, научных институций (Киевская археографическая комиссия, Юго-Западный отдел Российского географического общества, сеть губернских архивных комиссий), научных обществ (Одесское общество истории и древностей, Историческое общество Нестора-летописца, НТШ, УНТ, ВУАН), редакционных кружков (вокруг журналов «Основа» и «Киевская старина»), академических школ (научная школа В. Б. Антоновича, львовская и новая киевская школа М. С. Грушевского, школы Д. И. Багаля, историков-марксистов 1920-х гг.).

Механизм взаимодействия личности с интеллектуальным сообществом, интеллектуала с его окружением, следует воспринимать сквозь призму его научной карьеры. Карьера в научном мире имеет несколько уровней / стадий: 1) первая публикация, которая служит своеобразным пропуском в научную корпорацию / сообщество; 2) пребывание начинающего в промежуточной группе, что связано с процессами его адаптации и самопрезентации в корпоративной среде; 3) более пяти лет научных занятий и публикаций, вследствие чего происходит процесс вхождения исследователя в состав высокопродуктивной группы — элиты конкретного научного сообщества; 4) высший уровень / стадия научной карьеры, к которому стремится интеллектуал, это лидерство, ведущие позиции внутри организационного ядра (ядерной группы) данного интеллектуального сообщества (разумеется, каждый, кто достигает вершины научной карьеры, имеет свой уровень интеллектуального успеха); 5) уровень обязательный и естественный в карьере любого интеллектуала в научном мире, связан с периодом кризиса и спада деятельности, научной продуктивности, понижения статуса, идейных мутаций, изменения корпоративной идентичности. Вместе с тем кризисы и спады, которые переструктурируют каналы карьерного роста, связаны с изменением исследовательских технологий, ситуацией конкуренции в научном сообществе (даже в организационном ядре — группе лидеров), действиями групп поддержки или уничтожения. В целом, место интеллектуала определяется, по мнению Р. Коллинза, сетевой позицией в интеллектуальном сообществе, а также интенсивностью его интеллектуальных коммуникаций³⁶.

Безусловно, охватить все разнообразие форм интеллектуальных сообществ в пространстве украинской культуры на протяжении «долгого XIX века» невозможно. Можно только приблизиться к пониманию роли и статуса групп и объединений интеллектуалов, интеллектуальных героев в сложных процессах легитимации культурной жизни активного украинства в условиях государственного иррационализма, инокультурных влияний, пренебрежения традициями. Украинские интеллектуальные сообщества — аморфные, пластичные, динамичные, постоянно перетекающие от одного по-

³⁶ См.: Коллинз Р. Указ. соч. С. 96-98, 105-106.

колениа к другому, что существенно осложняет их изучение. Эти сообщества представляли сложный сетевой узор семейно-свояцких, соседских, служебно-корпоративных, дружеских контактов интеллектуальной элиты и сознательного украинства. Кружева этих связей, были такими затейливыми, что зачастую сами коммуникаторы не догадывались о своем родстве. Классический пример — Н. В. Гоголь, который не подозревал, что приходится далеким родственником жене Пушкина Наталье Гончаровой (оба они — потомки гетмана Петра Дорошенко), а также о том, что находился в родстве с гетманом Иваном Скоропадским и А. П. Толстым.

Таким образом, сетевые технологии, модели интеллектуальных сетей предоставляют новые возможности, активизируют значительный ресурс, который не вписывается в стандартные схемы интеллектуальной и культурной историографии. Восприятие украинского культурного мира как подвижной, динамичной структуры интеллектуальных сетей дает возможность почувствовать пульс жизни, услышать беседы, домашние чтения, музыку в салонах и гостиных, разговоры и дискуссии в редакциях журналов, на тайных сходках, корпоративных встречах, общественных собраниях. Словом, сетевые интеллектуальные карты позволяют глубоко окунуться в «литературный» и «историографический» быт, повседневную жизнь украинского интеллектуала, понять сложность и нюансы бесчисленных цепочек его родственных, служебных, дружеских, профессиональных связей и контактов, мотивацию культурно-интеллектуальной деятельности, научной карьеры в целом.

На практике метод коммуникационных сетей коррелируется с техниками микроисторического анализа. Кроме того, сетевые технологии, современные модели коммуникационных сетей служат определенной альтернативой таким неизменным атрибутам традиционного историописания, как понятия процессуальности и линейности (в форме развития, эволюции, прогресса). Взгляд на украинскую культуру и науку как совокупность сетей интеллектуальных альянсов, корпоративных групп, культурных центров, цепочек семейных, приятельских и служебно-корпоративных связей интеллектуалов легитимизирует саму идею нелинейных подходов в культурно-интеллектуальной истории.